

Бизави

Валентину Пономареву всегда окружают настоящие сильные мужчины — муж, сын, брат, коллеги, для которых она остается центром притяжения, идеалом, мечтой и кумиром. «Женщин я не беру к себе, потому что жалею. Им не выдержать такую жизнь», — говорит Валентина Пономарева. Для женщин она поет романсы, исповедуясь перед ними, рассказывая им историю женской души вообще, унося их, по ее собственному определению, на остров любви, где живут двое. Но романсы — это только одна грань алмаза под названием «Валентина Пономарева». Для кого-то она — драматическая актриса. Для кого-то — непревзойденная джазовая певица, с которой работали Анатолий Кролл, Софья Губайдулина, Сергей Курехин, Сергей Летов, «Аквариум», квартет Чекакина, Том Хочкинсон, Владимир Николаев и многие другие. Для кого-то — звезда из трио «Ромэн». Ее голос звучит во многих известных фильмах: «Агония», «Чучело», «Лечу к тебе воспоминанием», «Жестокий романс» (хотя об этом знают далеко

все — имени Пономаревой не было в титрах фильма, ни на выпущенной за ним следом пластинке). А кто-то приходит в экстаз от ее авангардных импровизаций в электронной музыке.

Валентина
ПОНОМАРЕВА:

Любовные рецепты — чушь собачья

Веч. Москва. — 1998. —
12 мая. — с. 7.

— Он привел мою жизнь в порядок

Ольга ФУКС

— Валентина Дмитриевна, я слышала, ваша мама — чуть ли не из дворянского рода, а папа — цыган: сочетание слишком необычное, чтобы продолжение такой семьи было ординарным. Как они познакомились?

— В музыкальной школе в городе Курске. Маме было восемь лет. Она была такая чистенькая, хорошенькая, с бантиком, бабушка водила ее в школу на уроки фортепиано. А папе было четырнадцать, он занимался по классу скрипки. В консерваторию они уже поступили как жених и невеста, а на четвертом курсе родилась я. Пока они учились, маме как-то удавалось удерживать отца. Она всегда была в нашей семье стержнем, сдерживая папу, потом меня и брата с нашими страстями. Но вскоре после консерватории он все-таки сорвался в дорогу. Где мы только ни жили: Украина, Казахстан, Узбекистан, Сибирь. Сколько себя помню в детстве — все время какие-то чемоданы, колеса, поезда. Так мы доехали до

Хабаровска, и тут мама взмолилась, мол, давай наконец остановимся, пусть дети поучатся в одной школе. И мы остались в Хабаровске, тем более что дальше ехать все равно было некуда. Там я поступила в музыкальное училище, там впервые вышла на драматическую сцену — в роли Маши в спектакле «Живой труп». Но я всегда мечтала о Москве. Родившись в ней и постоянно от нее удаляясь благодаря моему папе, я всегда рвалась сюда. И сейчас утверждаю, что творческий человек, если он хочет чего-то добиться, должен жить только в Москве, а ни в каком не Хабаровске. А уж из Москвы можно ездить на гастроли, чем я сейчас с удовольствием и занимаюсь. Я столько времени потратила на зарубежные туры, что теперь наверстываю упущенное, разъезжая по России. К тому же во время заграничных гастролей я не только приобретала, но и теряла. После семимесячных гастролей в Америке там остался мой первый гитарист. А когда мы работали в Англии, моего сына пригласили поработать в Лондоне — записаться в студии. Спустила ка-

Бог смотрел-смотрел и дал ей счастье

кое-то время он позвонил и сказал: «Мама, я, наверное, больше в этот совок не вернусь». Ну что я могла поделать?

— Сын тоже музыкант?

— А что еще я могла произвести? Конечно, музыкант. И очень талантливый. Его группа «Лойко» известна в Европе. Олег живет вместе с семьей в Дублине. Мы часто видимся, но я очень по нему скучаю, хоть и понимаю, что он продолжает семейные традиции и тут уже ничего не изменишь. Наверняка и его сын будет таким же.

— Чем для вас так привлекательна российская провинция? Публика понятливее?

— И публика тоже. Я вижу, как им нужны романсы, потому что это наше, родное. В Америке, например, даже не знают, что это за жанр такой. У них этого никогда не было и не будет. Разве можно сравнить восприятие нашей публикой романсов с какой бы то ни было другой! А уж я с моими концертами где только ни побывала и могу смело утверждать, что организация гастролей и быта приглашенных артистов у них неизмеримо выше. Но разве это главное? Не всегда, приезжая в Россию на концертную площадку, я встречаю порядок и понимание: приходится все брать в свои руки. И я начинаю всех заводить, чтобы тумбочку вынесли, чтобы тряпки сняли. Чтобы лампочки вкрутили («А у нас нет», — заявляют мне. «Да сказали бы, я бы вам из Москвы привезла!»). Чтобы вместо красной дорожки на сцене лежал ковер, потому что мне так надо («А у нас нет ковра» — «Пойдите к начальнику в кабинет, в каждом кабинете есть ковер» — «А мы не можем» — «Пойдемте вместе». Приходим — действительно есть ковер. Я начальнику говорю: «Вот вам моя кассета. Вам нравятся мои романсы? А мне нравятся ваш ковер»). А где-то за час до начала я говорю себе «стоп» и ухожу в гримерку. Одеваюсь, гримируюсь, пью чай с успокоительными травками. Муж закрывает меня на ключ от всех — от поклонников,

администраторов, журналистов. И когда я выхожу, у всей этой оравы, которую я только что гоняла, отвисают челюсти, потому что они не могут понять — кто это, такая красивая, отстраненная, откуда она взялась? И, конечно же, бегут в зал — посмотреть и послушать. И когда я в следующий раз приезжаю в то же место, они меня уже встречают: «Валентина Дмитриевна, а мы уже все сделали, как вы любите». Вот она, сила искусства!

Я недавно прочитала статью про то, как готовятся к приезду Норман. Она прислала список своих условий из девяносто восьми пунктов! Консерватория должна выполнить все девяносто восемь, хотя там есть совершенно невыполнимые. Например, за кулисами консерватории должна быть душевая комната, хотя ее там отродясь не было. И что самое интересное, ее сейчас там строят — такого уровня эта звезда. Не из тех, уже померкнувших звезд, которые к нам обычно приезжают, а настоящая звезда. Но, конечно, нам такое отношение и не снилось.

— А как вы все-таки вернулись в Москву?

— Я вынуждена была поступить в труппу театра «Ромэн».

— Вынуждены? Театр «Ромэн» достаточно специфическое место. Видимо, там важна национальная принадлежность, сильна иерархия династий?

— Это действительно так. Я смогла прийти туда только потому, что род цыган Пономаревых

абсолютно параллельных мира. И они не пересекаются. Я даже одеваюсь по-разному. У меня два концертных гардероба. Один, романсово-цыганский, — яркий. Другой, джазовый, — черный.

— А вам не кажется, что черный цвет настолько универсален, что люди прячутся за ним, чтобы не думать о сочетаниях, о цвете, о вкусе?

— Черный цвет великолепен. Он подчеркивает в каждом человеке именно то, что ему нужно, — его индивидуальность.

И все же, хоть я и за чистоту жанра, то, чем занималось трио, нельзя назвать обычным цыганским пением. Там был очень высокий музыкальный уровень. И конечно, я не смогла изжить в себе джаз, потому что это невозможно. Даже сейчас в моем романсовом пении многие, особенно музыканты, слышат какую-то ритмическую странность. Это связано с моим внутренним ощущением свинга, и поэтому я в принципе не могу петь ровно...

Петь в трио было замечательно, интересно, но это тоже было не то, что я хотела. Мне всегда кажется, что я делаю не совсем то, что надо что-то еще... И сейчас так кажется. Поэтому я недавно моноспектакль сыграла по одной из сказок Набокова, и это была чисто драматическая роль. А тогда я просто ушла из трио, потому что мне надоело, и занялась совсем другой музыкой.

— Коллеги по ансамблю, наверное, обиделись на вас?

— Не то слово. За такое и сильно пострадать можно — это же цыганские страсти. У цыган вообще не принято, чтобы женщина проявляла инициативу. Но вскоре мне позвонили с «Мосфильма» и предложили спеть для фильма «Жестокий романс». Я согласилась и с тех пор неожиданно для себя всерьез занялась романсами. Но это вовсе не значит, что я так и буду петь только романсы.

— Интересно, сколько октав у вас в диапазоне?

— Классически это определить трудно, потому что я ведь занимаюсь самым разным вокалом. Например, электронной музыкой, а там есть ни на что не похожие звуки, не поддающиеся определению высоты. Московский композитор Владимир Николаев из спетых мной вокальных кусков в Париже, где-то там в студии, на компьютере, скомпановал произведение и назвал его «Ночные песни Валентины». Так вот определить диапазон этих «Песен» нет никакой возможности.

— Скажите, а как вы выжидали со своим джазом во времена незабвенной установки: «Сегодня он играет джаз, а завтра родину продаст»?

— Очень многое в моей жизни — наперекор, в том числе и джаз. Тогда его нельзя было слушать, им нельзя было заниматься, он «противоречил» всем законам классической музыки. И, конечно же, меня исключали, запрещали, увольняли. Но в юности на это мало обращаешь внимания. Я любила эту музыку, я без нее жить не могла.

— Вы выглядите счастливой женщиной. Это соответствует действительности?

— В любви нет рецептов. Мне так смешно, когда я читаю какие-нибудь рецепты, советы. Чем дольше живу, тем больше понимаю, что все это чушь собачья. Мы с мужем все время вместе — дома, в машине, на гастролях, за кулисами, на сцене.

— Даже на сцене?

— Ну конечно, он мой гитарист. Я достаточно настрадаюсь в поисках настоящего счастья. Наверное, Бог смотрел-смотрел и решил все-таки дать мне его. Мы познакомились на джазовом фестивале в Питере. Когда я пела, то все время видела его лицо — чистое, светлое, не похожее на остальные лица в этой тусовочной толпе. В тот вечер я просто стала искать его и нашла. С тех пор мы с ним не расставались. Он все начал с нуля, зачеркнув свою предыдущую жизнь. А мою жизнь привел в порядок. Он сказал мне — ты только пой, а в остальном я тебе помогу.

— А вы не жалеете, что счастье пришло, может быть, позже, чем хотелось бы?

— Нет, за все то, что было до него, я уже расплатилась, еще от той жизни у меня остался мой сын, любовь моя, счастье мое... Если и было у меня что-то плохое, он все заслонил своим светом.

— У меня душа — джазовая

очень известный. И моего отца, дядю, деда прекрасно знали. Но я сначала была там белой вороной, я даже одевалась не так, как было принято в театре. Я ведь пришла туда из джаз-оркестра Кролла в джазовом состоянии, с джазовой душой и с неизменной любовью к этому искусству. Но надо было в себе это заглушить. У меня уже подрастал сыночек, он только что поступил в ЦМШ, и, чтобы остаться в Москве, я должна была работать в театре. Но с другой стороны, драматическая сцена не была для меня открытием, да и цыганское искусство всегда оставалось для меня родным. Так что я быстро сроднилась с коллективом. А буквально через пару лет возникло наше знаменитое трио «Ромэн», и мы так взлетели, что только пятки сверкали. Театр в то время еще почти нигде не выезжал на зарубежные гастроли, а я с трио уже объездила весь мир.

— Как уживаются в вашей жизни джаз и цыганский романс?

— Никак не уживаются. Это два